

УДК 316.33:001

**Скетч-программа исследований социорациональности
эпохи демаркационных войн и дисциплинарных споров XIX-XX вв.***

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00010а

А.В. Нехаев

ФГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет»

Содержащаяся в статье скетч-программа исследований социорациональности нацелена на изучение аналитических возможностей и границ социологического объяснения оригинального интеллектуального творчества. Это предполагает решение целого комплекса теоретических и методологических вопросов, связанного с прояснением природы и характера отношений между «социальным» и «рациональным», и связанного с такими областями исследования, как теория и история идей, интеллектуальная история, социология научного знания и социальная эпистемология.

Ключевые слова: интеллектуалы, рациональность, демаркация наук, дисциплинарные войны, социальная практика, ритуал

**Sketch-program of socio-rationality research
by epoch of demarcation wars and disciplinary disputes in XIX-XX centuries**

Contained in article sketch-program of socio-rationality research aimed at studying the analytical possibilities and limits of sociological explanation of the original intellectual creation. This sketch-program encompasses the whole complex of theoretical & methodological issues associated with clearing the nature and the character of the relationship between «social» and «rational» and related research areas such as theory & history of ideas, intellectual history, sociology of scientific knowledge and social epistemology.

Keywords: intellectuals, rationality, demarcation processes in science, disciplinary war, social practice, rites

о. Исследовательская дилемма: «радикалы» против «ортодоксии»

Современное состояние теории и истории идей, интеллектуальной истории, социологии знания и социальной эпистемологии характеризуется кризисом оснований и острым дефицитом теоретизирования¹. Исследования, предпринимаемые в пределах данных областей, могут быть достаточно строго демаркированы решением вопроса о статусе и возможностях социологического объяснения на две различающиеся концептуальной схематикой традиции: «ортодоксальную», которая либо отрицает значимость социологического объяснения (социо-эпифеноменализм²), либо рассматривает «рациональное» в качестве простого деривата «социального» (социоредукционизм³), и «радикальную» социо-ориентированную традицию, которая с одной стороны достаточно консолидировано критикует «ортодоксальные» каноны, используемые для объяснения механизмов и характера отношений между «социальным» и «рациональным», а с другой – распадается на множество зачастую конкурирующих между собой и использующих различный методологический инструментарий исследовательских программ.

Дилеммическое состояние «ортодоксальной» традиции, выражающееся в наличии полярной исследовательской оппозиции эпифеноменализм/редукционизм, и нарастающая критика со стороны «радикальных» социо-ориентированных концепций явным образом свидетельствуют о рекуррентном и тормозящем воздействии такого положения дел на всю без исключения область строительства социологических объяснений; а значит, теоретические и методологические выгоды от такого рода дилеммического состояния для теории и истории идей, интеллектуальной истории, социологии знания и социальной эпистемологии являются крайне скудными. Это обеспечивает высокую актуальность исследованиям, направленным на поиск и построение так называемых «сильных» (т.е. в терминологии «радикальных» социо-ориентированных концепций «хорошо объясняющих») социологических моделей, позволяющих преодолеть устоявшееся дилеммическое состояние и его кризисные последствия в таких областях, как теория и история идей, интеллектуальная история, социология знания и социальная эпистемология.

1. Экспозиция современных социо-ориентированных исследовательских программ в области теории и истории идей

Объемы и масштабы исследований в области теории и истории идей, интеллектуальной истории, социологии знания и социальной эпистемологии, выполненные как в «ортодоксальной», так и в «радикальной» социо-ориентированной традициях, на современный момент довольно внушительны.

Среди наиболее заметных работ, имеющих целью исследование и обоснование границ и возможностей социологических объяснений процессов роста знания и творчества интеллектуалов, особо следует выделить две своего рода *frame*-программы, образующие рамки полемики социального поля социологии знания: «слабую» М. Шелера [1] и К. Мангейма [2 – 5], опирающуюся на идею о «со-обуславливании» как отношении, складывающимся между рациональными и социальными структурами, и «сильную» Д.Блура [6 – 7], которая, настаивая на принципах «каузальности», «беспристрастности», «симметрии» и «рефлексивности», берет за основу всякое без исключения научное знание как «образ» соответствующего ему общества, тем самым, полагая, что социальные факторы при построении модели науки имеют преимущественное значение, поскольку и наука, и философия должны рассматриваться, прежде всего, как формы свободного дискурса, лишенные необходимости заботиться об истинности. Сложившаяся между этими *frame*-программами контрверза может рассматриваться в качестве точки роста для теоретизирования в современной социологии знания и социальной эпистемологии.

Кроме того, современная социо-ориентированная традиция активно использует в своих исследованиях идеи, высказанные в работах по антропологии и теории ритуала, а также основанные на них концепции социального порядка и солидарности: Э. Дюркгейма [8], М. Мосса [9 – 11], А. ван Геннепа [12], В. Тэрнера [13], М. Дуглас [14], И. Гофмана [15 – 16], Д. Маршалла [17]. Так, например, вполне респектабельные исследования Ф. Рингера [18], М. Куша [19 – 20], Дж. Бен-Дэвида [21] и Р. Коллинза [22], как впрочем, и более экстравагантные по своему замыслу работы – «раннего» Б. Латура [23 – 24] или Т. Шеффа [25], отлично иллюстрируют дюркгеймианский

тезис о том, что *идея эффективна тогда и только тогда, когда она социальна*⁴. Хотя вместе с тем все эти исследования имеют один общий недостаток: концентрируя внимание на социальных практиках интеллектуалов (в частности, рассматривая эти практики в качестве своеобразной ритуальной собственности идей, разделяемых группами интеллектуалов), они одновременно демонстрируют слабую чувствительность к возможным культурным детерминантам оригинального интеллектуального творчества. Недооценка культурных детерминант феномена оригинального интеллектуального творчества создает существенные препятствия для развития «сильной» и «хорошо объясняющей» социо-ориентированной теории и истории идей⁵. Отчасти компенсируя указанный недостаток, современная социология стала как никогда чувствительна к проблемам культуры, что, в частности, связано с появлением культурсоциологических исследований Дж. Александера и Ф. Смита [26 – 29].

2.1. Исследования социорациональности: территории и траектории

Наиболее лакомой территорией для изучения отношений между «социальным» и «рациональным» безусловно является история западноевропейского академического сообщества XIX-XX веков; именно в этот период бурные демаркационные процессы и беспощадные дисциплинарные войны, развернувшиеся между различными ассоциациями ученых, потребовали решения множества вопросов, связанных как с непосредственными изменениями в самих исследовательских практиках, так и с поисками новых форм социальной солидарности в среде исследователей. Разумеется, что такого рода ломка и связанные с ней интенсивные метаморфозы прежних традиционных для академического сообщества норм и практик деблокируют возможности для пусть и удаленного, но вместе с тем открытого доступа к анализу элементарных форм рациональности, лежащих в основаниях оригинального интеллектуального творчества. Это позволяет наметить две приоритетные траектории для исследований феномена социорациональности.

Метатеоретическая траектория, связанная непосредственно с исследованием вопроса о границах применимости и объяснительных возможностях социологических моделей для области теории и истории идей. Эта траектория предполагает создание достаточно обширной концептуальной схемы социорациональности, включающей в себя отдельные принципы и положения таких различающихся между собой социологических и антропологических программ, как теория ритуала Э. Дюркгейма, М. Мосса, А. ван Геннепа, В. Тэрнера, М. Дуглас, И. Гофмана, Д. Маршалла, культурсоциология Дж. Александера, символический интеракционизм Г. Блумера и И. Гофмана, этнометодология Г. Гарфинкеля и Р. Гилберта, теория обмена и рационального выбора Дж. Хоманса и П. Блау, рефлексивная социология П. Бурдьё, аномальная социофилософия М. Куша. Впрочем, именно такое, на первый взгляд, эклектичное, но в достаточной мере «гибридизированное» основание должно придать предполагаемому «наброску» объяснения – концептуальной схеме – необходимую прочность и устойчивость к «внешним» воздействиям и нагрузкам: как критике, так и ревизии.

Историко-прагматическая траектория, которая связана с эмпирическим материалом исследования – западноевропейским академическим сообществом XIX-XX

вв.; в частности, с примерами рефлексии над основаниями науки и демаркационными спорами, инициированными такими интеллектуальными течениями и направлениями, как неокантианство, философия жизни, эмпирическая психология, психология ментальных актов, феноменология, логический позитивизм, критический рационализм, научный реализм, социальный конструктивизм. При этом данная траектория строится как осознанная оппозиция широко распространенному и отстаиваемому «ортодоксальной» теорией и историей идей убеждению о том, что наблюдаемым изменениям в основаниях науки принадлежит приоритет над любыми формами их рефлексии. Например, именно это убеждение поддерживает тезис о том, что известный спор о демаркации между естественными науками (*Naturwissenschaften*) и социально-гуманитарными науками (*Geisteswissenschaften/Kulturwissenschaften*) есть лишь отражение процессов размежевания этих двух областей знания, опирающееся прежде всего на имеющиеся различия в повседневной исследовательской практике. В противоположность этому социорациональное исследование должно продемонстрировать, что именно рефлексия над основаниями науки служила как стимулом, так и отправной точкой наблюдаемых демаркационных процессов. Так, именно практикуемая рефлексия и создаваемые в ходе ее идеи о природе дисциплинарных различий оказывались тем, что способно как легитимировать повседневные дисциплинарные исследовательские практики, так и гарантировать их отличия и взаимную несводимость.

2.2. Исследования социорациональности: рецепты и ингредиенты

В отличие от исследований активно использующих в своих моделях метафорику «социального производства знания»⁶, социорациональный анализ, привлекая объяснительные средства, заложенные в основания «сильной программы» культурсоциологии Дж. Александера и Ф. Смита (принцип «автономии культуры и символического порядка»), а также некоторые адаптированные положения теории ритуала Э. Дюркгейма и М. Мосса (утверждение ритуальной основы элементарных форм рациональности – идей), должен быть в большей степени ориентирован на изучение особенностей исполнения и культурной укорененности всех типов социальных практик, связанных с феноменом оригинального интеллектуального творчества. Это позволит приблизиться к пониманию природы социорациональности, предлагая подход альтернативный уже существующим в социологии знания, который более экономно объяснит многие из аспектов оригинального интеллектуального творчества в академическом сообществе (в том числе демаркационные войны и дисциплинарные споры), способствуя помимо прочего и преодолению сложившегося дилеммического состояния в области теории и истории идей.

В этих целях следует привлечь и использовать аналитические возможности и теоретические ресурсы целого ряда исследовательских программ, аффилированных прежде всего с традицией «радикального» социо-ориентированного подхода. Это предпочтение объясняется признанием за «радикальной» социо-ориентированной традицией большего иммунитета к кризисным проявлениям дилеммического состояния; в частности, данная традиция, в отличие от «ортодоксальной», не склонна усматривать тождество между существованием источников социальной детермина-

ции для области «рационального» – с одной стороны, и неизбежностью принятия той или иной формы редукционизма в качестве адекватной исследовательской позиции (так называемого «социологизма») – с другой.

Как следствие, значительная доля внимания уделяется исследовательским императивам йельской «сильной программы» культурсоциологии Дж. Александера и Ф. Смита, базирующейся на признании принципа «автономии культуры» и утверждении самостоятельной логики культурных содержаний, согласно которой сфера символических классификаций, составляющая фундамент любой культурной системы, обладает собственной (т.е. независимой от параллельного действия социальных детерминант) причиняющей силой [30, с. 159]. Это означает, что предпринимаемый в проекте анализ социорациональных феноменов и, в частности, параметров и механизмов оригинального интеллектуального творчества, не может опираться исключительно на позиции их «натуралистического» (т.е. редуцирующего только к социальному) рассмотрения, свойственного, например, исследованиям, активно использующим метафору «социального производства знания», поскольку сами эти параметры и механизмы (взяты в конкретном их исполнении) наряду с чисто социальными детерминантами опосредованы также и культурными кодами⁷ [29, р. 294].

Наряду с исследовательскими императивами культурсоциологии, устанавливающими структуру и порядок символической детерминации оригинального интеллектуального творчества, социорациональное исследование должна привлечь ряд положений рефлексивной социологии П. Бурдьё [31 – 37]. Рефлексивная социология, помимо утверждения всех типов рациональных сущностей (теорий, дефиниций или аргументов) в качестве сущностей социальных (в частности, это активно практикуется некоторыми коррелятивными П. Бурдьё проектами, например аномальной социологией М. Куша [19, с. 120]), позволяет также существенным образом дополнить символические классификации (которые лежат, согласно культурсоциологии, в основаниях культуры и детерминируют социальные практики, связанные с феноменом оригинального интеллектуального творчества) необходимым для социологического объяснения функционалом, поскольку демонстрирует механизмы культуры в качестве практических функций по включению / исключению ее конкретных содержаний, намечая тем самым линии для изучения логики практического исполнения интеллектуалами своего творчества.

Особое значение для исследований социорациональности имеет теория ритуала Э. Дюркгейма и М. Мосса. Стоит отметить, что данная теория уже неоднократно подтверждала свою работоспособность и возможности приложения для самых разных объектов социологического исследования. Однако заложенный в ней теоретический ресурс до сих пор еще не был в полной мере использован для анализа природы отношений между «социальным» и «рациональным».

Ядро теории ритуала Э. Дюркгейма и М. Мосса (а также многочисленных ее модификаций, предложенных в работах А. ван Геннепа, В. Тэрнера, М. Дуглас, И. Гофмана, Д. Маршалла) составляет утверждение о том, что *ритуалы представляют собой механизмы, которые производят идеи, заряженные социальной значимостью, создавая тем самым необходимые эффекты солидарности для своих участников, удерживая их вместе и структурируя отношения между ними.*

Адаптация данного принципа под цели и задачи социорационального исследования позволяет рассматривать ритуал в качестве *подлинно элементарной формы рациональности* (т.е. ритуал есть далее неанализируемая и неразложимая модель всякой без исключения «рациональности»). Это налагает серьезные ограничения на любые попытки представить ритуал антропологическим или социологическим атавизмом, используемым при объяснении и редукции многочисленных социальных практик, ставших уже неактуальными для современного общества, поскольку любые сообщества интеллектуалов в равной степени востребуют основанные на ритуале модели солидарности и морали⁸.

Наконец, при решении вопроса об отношениях микро- и макро- структур в рамках изучаемого сообщества интеллектуалов следует принять во внимание принцип аппликации для микро- и макро- структур, предложенный этнометодологией Г. Гарфинкля [38] и Р. Гилберта [39], который позволяет легитимировать рассмотрение любых кажущихся нам латентными структур социорациональности как актуально представленных в повседневных практиках интеллектуалов⁹. Иными словами, этнометодологический принцип определяет, что социологическое исследование структур как социального, так и символического / культурного порядка, не должно их гипостазировать от повседневных практик и конкретных условий исполнения, поскольку они всегда актуально даны и закодированы в повседневных практиках¹⁰.

3. *Ante praecessi*: чего стоит ожидать от исследований социорациональности?

Указанные выше подходы, их сочетание и гибридизация в рамках единого исследования их отдельных теоретико-методологических положений, позволяют сформулировать рабочую гипотезу для социорационального исследования: *детерминирующей в отношении оригинального интеллектуального творчества силой является символическая оппозиция «сакральное/профанное» (фиксирующая культурную укорененность социальных практик, связанных с феноменом оригинального интеллектуального творчества), которая каузирует отличительные особенности письменных и повседневных исследовательских практик интеллектуалов.* При этом таксономическая способность символической оппозиции «сакральное» / «профанное», обеспечивая нас более детальными классификациями при объяснении феномена оригинального интеллектуального творчества, дополняется функционалом еще одной символической оппозиции «чистое» / «скверное», которые взятые вместе образуют квадритомию для любых символических объектов (идей), составляя элементарную культурформу социорациональности.

Таким образом, идея, рассматриваемая как основной элемент оригинального интеллектуального творчества и понимаемая как социорациональная конструкция, в основе своей, независимо от ситуативных и релевантно сопутствующих обстоятельств, несет в себе изначальную таксономию «сакральное» / «профанное», которая выполняет строго цензурную роль в отношении любых ее «поверхностей»: текстуальных, дискурсивных, логических, эстетических, этических, – путем включения или исключения всех возможных подмножеств своего исполнения. При этом механизмом, поддерживающим и фундирующим эту изначальную таксономию, а также

удостоверяющим и сертифицирующим ее конкретное исполнение и статус в качестве таковой, является – ритуал, т.е. область социальных практик самого разного характера: от языковых до администрирующих (властных) практик.

Примечания

¹ Об этом, в частности, косвенно свидетельствует недавний (2009-2010 гг.) яростный «спор о социологизме» в среде отечественных социологов: В. Вахштайн [40 – 42], А. Корбут [43], В. Кузьминов [44], И. Вендило, О. Журавлев, Д. Кондов, Н. Савельева [45].

² Исследовательская формула приверженца социо-эпифеноменализма гласит, что «рациональное» столь специфично в отношении «социального», что его можно объяснять только при помощи «рационального» же. Иными словами, социо-эпифеноменализм полагает, что изучая историю идей и нашей «рациональности» мы вполне можем уподобить носителя «рациональности» этаким «мозгам в бочке» (пользуясь метафорой Х. Патнэма [46]), «стерилизованным» от любого рода признаков «социального». Все продуцируемые этими «мозгами в бочке» идеи были бы теми же самыми идеями, если бы даже мы и принимали во внимание, что эти «мозги в бочке» участвуют в социальных итеракциях: ходят в магазин и на работу, голосуют на выборах, воспитывают своих детей, ссорятся и мирятся с окружающими и т.д.

³ Приверженец социо-редукционизма, в отличие от нечувствительного к «социальному» приверженца социо-эпифеноменализма, пользуется в своих построениях исследовательской формулой, которая гласит, что: «...число типов социальных сущностей (аргументов, теорий) идентично числу типов социальных институтов. Социорациональные законы как раз и представляют собой установление такого рода типовых идентичностей [type-type identities]...» [19, с. 125]. Это стремление взаимно-однозначно увязать между собой социальные сущности и социальные институты и является наиболее уязвимым местом для критики социо-редукционизма.

⁴ Стоит отметить, что российские исследователи также не остались в стороне от влияния социо-ориентированного тренда на современную теорию и историю идей; в частности, интерес представляют ряд оригинальных работ, в которых развиваются элементы «церемониальной» концепции научных статусов и воспроизводства локальных академических сообществ (активно разрабатываемой группой петербургских социологов М. Соколовым, Ф. Погореловым, К. Губой, М. Сафоновой, Д. Димке, А. Семеновым, Т. Бочаровым, К. Титаевым [47 – 68]), «институционально-обрядовой» природы научных практик [69] и этнометодологического анализа науки [70].

⁵ Утверждение культурной укорененности социальных практик интеллектуалов (в особенности их повседневных исследовательских практик) позволяет по-иному взглянуть на отношения, которые складываются между областями «социального» и «рационального», в частности, позволяет избежать соблазнов социо-редукционизма, резервируя в духе «позднего» Э. Дюркгейма за нашими идеями некоторую степень автономии по отношению к социальным практикам.

⁶ Например, исследования Дж. Бен-Дэвида и Р. Коллинза [21] или К. Шарля [71].

⁷ Стоит отметить, что состоявшаяся в современной социологии научного знания ревизия некоторых исследовательских принципов, оперирующих исследовательской метафорой «социального производства знания» (в частности, позиций радикального социального конструктивизма Б. Латура [72]), намечает вполне определенные аналитические линии для дрейфа современной социологии знания от тотальных моделей «социального производства знания» в сторону более толерантных и чувствительных к символическому порядку (т.е. порядку, детерминированному со стороны обладающей автономией культуры) социологических моделей. Успешная, а значит, «хорошо объясняющая», модель социорациональности, принимая во внимание принцип «автономии культуры»/«символического порядка», отстаиваемый культурсоциологией, должна признавать символические/культурные паттерны равнозначными источниками каузации для оригинального интеллектуального творчества наряду с традиционными социальными силами.

⁸ Ироничный и обстоятельный анализ такого рода зависимости интеллектуалов от ритуалов представлен в работах М. Соколова [49; 53; 63].

⁹ Так, «радикальный тезис» этнометодологии, принадлежащий Р. Гилберту, гласит: «Эмпирические явления, наблюдаемые [этнометодологом. – А.Н.] <...> однако, вероятно, вовсе не известные членам группы, и <...> структурные явления, на которые ориентируются члены группы, не считая их требующими доказательств, но которые тем не менее, не являются эмпирическими и доступными для изучения социальными науками, оказываются <...> теми же самыми явлениями» [39, р. 801; пер. чит. по: 73, С. 315]

¹⁰ Кроме того, выбор этнометодологии в качестве теоретического ресурса и подхода для проведения исследований в рамках данного проекта, также связан и с тем, что этнометодология обладает дифференцированным набором релевантного инструментария для изучения повседневных практик разного рода, в том числе и практик, связанных с интеллектуальным творчеством. Так, например, накопленный этнометодологией потенциал в концептуализации повседневных практик, например в

области анализа разговоров, может стать важным средством для анализа текстов и связанных с ними письменных практик, содержащих образцы философской рефлексии над основаниями науки.

Библиографический список

1. *Шелер М.* Проблемы социологии знания. М.: Ин-т общегум. исслед., 2011. 320 с.
2. *Mannheim K.* The Problem of a Sociology of Knowledge // *Essays on the Sociology of Knowledge*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1952. P. 134-190.
3. *Манхейм К.* Идеология и утопия // *Диагноз нашего времени*. М.: «Юрист», 1994. С. 7-276.
4. *Манхейм К.* О специфике культурно-социологического познания // *Избранное: Диагноз нашего времени*. М.: «РАО Говорящая книга», 2010. С. 265-376.
5. *Манхейм К.* Социологическая теория культуры в ее познаваемости: Конъюнктивное и коммуникативное мышление // *Избранное: Диагноз нашего времени*. М.: «РАО Говорящая книга», 2010. С. 379-536.
6. *Блур Д.* Сильная программа в социологии знания // *Логос*. 2002. № 5-6 (35). С. 162-186.
7. *Bloor D.* Remember the strong program? // *Science, Technology a Human Values*. 1997. Vol. 22. № 3. P. 373-385.
8. *Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. N.Y.: Free Press, 1995. 464 pp.
9. *Мосс М.* Очерк о природе и функции жертвоприношения // *Социальные функции священного*. СПб.: «Евразия», 2000. С. 9-104.
10. *Мосс М.* Молитва // *Социальные функции священного*. СПб.: «Евразия», 2000. С. 234-330.
11. *Мосс М.* Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Общества. Обмен. Личность*. М.: КДУ, 2011. С. 134-285.
12. *Геннеп А. ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: «Восточная литература», 1999. 198 с.
13. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: «Наука», 1983. 277 с.
14. *Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 288 с.
15. *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу М.: «Смысл», 2009. 319 с.
16. *Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, 2003. 752 с.
17. *Marshall D.* Behavior, Belonging and Belief: A Theory of Ritual Practice // *Sociological Theory*. 2002. Vol. 20. №3. P. 360-380.
18. *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
19. *Куш М.* Социология философского знания: конкретное исследование и защита // *Логос*. 2002. № 5-6 (35). С. 104-134.
20. *Куш М.* Победителю достается все: Философия жизни и триумф феноменологии // *Логос*. 2004. № 3-4 (43). С. 171-204.
21. *Бен-Дэвид Дж., Коллинз Р.* Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии // *Логос*. 2002. № 5-6 (35). С. 79-103.
22. *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2002. 1282 с.

23. *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5-6 (35). С.211-242.
24. *Latour B.* The Pasteurization of France. Cambridge: Harvard University Press, 1988. 288 pp.
25. *Scheff T.J.* Academic gangs // Crime, Law and Social Change. 1995. Vol. 23. № 2. P. 157-162.
26. *Александр Дж., Смит Ф.* Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 11-30.
27. *Александр Дж.* Об интеллектуальных истоках «сильной программы» // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 5-10.
28. *Александр Дж.* Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 17-37.
29. *Alexander J.* The Promise of a Cultural Sociology: Technological Discourse and the Sacred and Profane Information Machine // Theory of Culture. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 293-323.
30. *Куракин Д.* «Сильная программа» в культурсоциологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 155-178.
31. *Бурдые П.* Практический смысл. М.: Ин-т общегум. исслед.; СПб.: «Алетейя», 2001. 562 с.
32. *Бурдые П.* Поле литературы // Социальное пространство: Поля и практики. М.: Ин-т общегум. исслед.; СПб.: «Алетейя», 2007. С. 365-472.
33. *Бурдые П.* Поле науки // Социальное пространство: Поля и практики. М.: Ин-т общегум. исслед.; СПб.: «Алетейя», 2007. С. 473-517.
34. *Бурдые П.* Дело науки. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу // Социальное пространство: Поля и практики. М.: Ин-т общегум. исслед.; СПб.: «Алетейя», 2007. С. 518-538.
35. *Бурдые П.* О символической власти // Социология социального пространства. М.: Ин-т общегум. исслед.; СПб.: «Алетейя», 2007. С. 87-96.
36. *Бурдые П.* Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Начала. Choses. М.: Socio-Logos, 1994. С. 208-221.
37. *Бурдые П.* Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: «Праксис», 2003. 272 с.
38. *Гарфинкель Г.* Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 144-154.
39. *Hilbert R.* Ethnomethodology and the Micro-Macro Order // American Sociological Review. 1990. Vol. 55. № 6. P. 794-808.
40. *Вахштайн В.* Конец социологизма: перспективы социологии науки // http://www.polit.ru/article/2009/08/06/videon_vahshtain/
41. *Вахштайн В.* Еще раз про когнитивный стиль и «спор о социологизме» // <http://www.polit.ru/article/2010/10/08/socio/>
42. *Вахштайн В.* Ответ этнометодологу или Мартышка и очки // <http://www.polit.ru/article/2009/09/18/socdisc/>

43. Корбут А. Новый эпистемолог, или Игла познания // <http://www.polit.ru/article/2009/09/18/socdisc/>
44. Кузьминов В. Социологизм и социология знания // <http://www.polit.ru/article/2010/07/29/sociologisme/>
45. Вендило И., Журавлев О., Кондов Д., Савельева Н. Спор о «социологизме» // <http://magazines.russ.ru/nz/2010/69/ve19.html>
46. Патнэм Х. Мозги в бочке // Разум, истина и история. М.: «Праксис», 2002. С. 14-37.
47. Погорелов Ф., Соколов М. Интеллектуальный ландшафт Санкт-Петербургской социологии: попытка картографии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2004. № 1. С. 59-64.
48. Погорелов Ф.А., Соколов М.М. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: фрагментаризация Петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 2. С. 75-92.
49. Соколов М. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 8-31.
50. Соколов М. Российские социологи на международном и национальном рынке идей (Наукометрический анализ) // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 144-152.
51. Соколов М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // Laboratorium. 2009. № 1. С. 20-57.
52. Соколов М.М. Интернациональный провал постсоветской социологии: сравнение институциональных объяснений // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 3. С. 105-110.
53. Соколов М. Гоффман, Мэри Дуглас и смысл (академической) жизни: церемониальные аспекты критических дискуссий в теоретической социологии // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 130-143.
54. Соколов М.М. Несколько замечаний о девальвации ученых степеней: экономико-социологический анализ динамики символов академического статуса // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 14-30.
55. Соколов М.М. Там и здесь: могут ли институциональные факторы объяснить состояние теоретической социологии в России // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 126-132.
56. Соколов М.М. Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в Петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. № 3. С. 111-132.
57. Соколов М.М. О процессе академической (де)цивилизации // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 21-30.
58. Соколов М.М. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 4. С. 37-72.
59. Соколов М.М. Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 76-82.
60. Соколов М.М., Бочаров Т.Ю., Губа К.С., Сафонова М.А. Проект «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в

локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. № 3. С. 66-82.

61. Соколов М.М., Сафонова М.А., Губа К.С. Димке Д.В. Интеллектуальный ландшафт и социальная структура локального академического сообщества (случай петербургской социологии): препринт WP6/2012/01 (ч. 1). М.: ИД ВШЭ, 2012. 48 с.

62. Соколов М.М., Сафонова М.А., Губа К.С. Димке Д.В. Интеллектуальный ландшафт и социальная структура локального академического сообщества (случай петербургской социологии): препринт WP6/2012/01 (ч. 2). М.: ИД ВШЭ, 2012. 48 с.

63. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. [в печати].

64. Сафонова М.А. Сетевая история петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. № 3. С. 83-110.

65. Сафонова М.А. Сетевая структура идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 107-120.

66. Губа К.С., Семенов А.В. В центре внимания или центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. № 3. С. 133-154.

67. Губа К. Академические журналы: воспроизводство локальных репутаций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 152-163.

68. Губа К.С. Западная теория в петербургской социологии: между Максом Вебером и Эрвином Гоффманом // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 83-96.

69. Демина Н.В. Институционализация в сообществе ученых: защита кандидатской диссертации как обряд перехода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 1. С. 97-112.

70. Корбут А.М. Этнометодологические исследования науки: истоки // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35. № 1. С. 151-166.

71. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005. 328 с.

72. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. N.Y. Oxford University Press, 2005. 328 pp.

73. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: «Питер», 2002. 688 с.